

Новое на театре**"ГОРОД ВЕТРОВ"—НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ
"СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР"—ОПЕРА Л. КНИППЕРА**

ГОРОДИН — Острогуров.

перевозит наша опера и ее репертуар. В области симфонической музыки ряд композиторов нашел сочный язык эпохи пролетарской революции языка, еще дальше не совершенный, еще заструту национальный и неискорененный. Но в области оперы и оперного представления Л. Книппера "Северный ветер", на сцене Б. Кирюхина "Город ветров", еще дальше от стоянки на мертвый точке.

Поставленное в театре им. Немировича-Данченко музыкальное представление

Л. Книппера "Северный ветер", на

сцене Б. Кирюхина "Город ветров", еще

стает перед советской обще-

стенностью проблему создания своего

революционного оперного репертуара.

МАША — Немаршанская.

спектакль в этом смысле является симметричным. Он синтезирует, что на оперной сцене советского театрального фронта происходит серьезные сдвиги. При всех недостатках спектакля неизменно отмечается его яркое постановочное мастерство и яркий театральный сезон. Этим спектаклем дана определенная наметка к развитию репертуара советской оперы, для тематики которой может найтися достаточно материала не только из эпохи героической борьбы пролетариата, но и из эпохи наших дней великой стройки.

Григорий АЛЕКСАНДРОВ.

**Спектакль без пьесы
"Извините за резкость" в театре Сатиры.**

Дело начинается почему-то с контро-

лектировок, представителей которых по-

являются на сцене и оказываются по-

западу, непонятным причинам чуждыми

и совершенно никем не видимыми людьми. Потом показывается как плохие агитаторы против религии нации, культуры и художества. Но в области

литературы и искусства, где языком

искусства и языком агитации

все это становится ясно.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.

Изображение языка как языка

агитации и эксперимента высту-

пает в художественном языке, а не

в языке агитации, как языке

литературы и искусства.